

*М. А. Колеров**

**МЫ — НАКАНУНЕ НОВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(Выступление на семинаре «Русская мысль»
в Русской Христианской гуманитарной академии,
8 апреля 2022 г.)**

Опыт и перспективы исследования истории русской философии, источников и публикации его результатов, неотложные задачи сохранения и репрезентации её наследия.

Ключевые слова: Русская философия, историография, публикации источников.

Kolero M. A.

*WE ARE ON THE EVE OF A NEW NATIONAL HUMANITARIAN REVOLUTION
(Speech at the seminar «Russian Thought» at the Russian Christian Academy
for the Humanities, April 8, 2022)*

Experience and prospects of research on the history of Russian philosophy, sources and publication of its results, urgent tasks of preserving and representing its heritage.

Keywords: Russian philosophy. Historiography. Publications of sources.

Можно было бы публицистически сказать, что нас, энтузиастов, мало, но находясь здесь, в РХГА, надо сказать — нас, энтузиастов, много. И мы живы и работаем давно, несмотря ни на что. У каждого есть своя специфика, но это неважно, главное — результат.

Я тоже, как и РХГА, уже больше 30 лет существую в научной сфере как исследователь и издатель, первые издания делал еще при советской власти. В последние смутные годы это было уже возможным бесцензурно, но выглядело, конечно, очень бедно. И я хочу поделиться выводами из своего опыта,

* Модест Алексеевич Колеров, российский историк, издатель и общественный деятель, кандидат исторических наук, профессор кафедры информационной политики Высшей школы экономики, kolerovm@gmail.com. Текстовая расшифровка выполнена Натальей Румянцевой с последующей редактурой текста Модестом Алексеевичем Колеровым.

которые хотелось бы реализовать, если бы у меня было еще 30 лет жизни. Я обещал своим детям жить еще 30 лет, но у меня есть сомнения.

Мы имеем дело с двойственным сложным предметом. Еще великие «Вехи» в статье Бердяева писали, что русская литература, то есть русская мысль, поколение за поколением в интеллектуальной моде следует за Западом. Точно так же мы, исследователи русской мысли, русской философской мысли, общественной мысли, не должны быть чрезмерно придирчивы к своему предмету. Почему? Русская философия, она же русская мысль, естественным образом может быть представлена как клубок, многожильный кабель, поток разных направлений, который в дисциплинарной своей части, кафедральной, узко научной охватывает только не более пятой доли. В старой России это были университетские кафедры на юридических или смежных факультетах — они в гораздо большей степени известны, чем профильные философские занятия в духовных академиях. Просто поражают сквозные списки тем магистерских диссертаций в духовных академиях. Это фантастика! Естественно, они разного качества, но полнота знаний, горизонта впечатляюща. А если мы к тому же вспомним, что в середине XIX века только духовные академии несли знамя знаний о западной философии, то надо немедленно вернуться к тому делу, которое вел покойный Александр Абрамов и сегодня ведёт Василий Ванчугов, — и немедленно наверстывать исследование философии духовных академий. Это Атлантида, Атлантида недолюбленная, недоназванная. И эта пятая часть нашей философии — часть университетских академических занятий.

Другая пятая часть — это свободная философия, в том числе философия художественной литературы, в которой, безусловно, первое место занимают и Достоевский и Толстой. И не потому, что в их художественных произведениях (извините за банальности, но я должен систематически это представить), не только в их художественных произведениях, но и в их трактатах, в их публицистике явлена целая система взглядов. Дисциплинарный характер русской философии в ее третьей части, конечно, обеспечивается не только университетскими нашими работниками. Значительное количество не только русских евреев, по необходимости заканчивавших немецкие или немецкоязычные университеты, но и вообще все российские подданные, которые защищали диссертации за рубежом, это и есть дисциплинарная немецкая и иная философия. И если мы не будем ограничивать свой взгляд на вещи 1917 годом, то и Жорж Гурвич и Кожёв (Кожевников) — это наши родные, которые выступили в дисциплинарной философии уже на западном поле. И при этом оставались по своей интуиции частью русской мысли. Об этом можно спорить, но отрицать их существование нельзя. И тот же самый Георгий Давыдович Гурвич, если не ошибаюсь, последний раз по-русски опубликовался в «Современных записках» в 1931 году. Это говорит о том, что к своему переходу во французскую сферу он был уже зрелым мыслителем.

Следующую, четвертую часть нашей русской мысли я без особого успеха пытаюсь называть практической философией, т. е. применением философских принципов к политической борьбе, публицистике и так далее.

А пятая часть, явленная у нас, наверное, более всего Борисом Чичериным и Владимиром Соловьевым — это попытка интегральной философии, которая,

будучи таковой, не может позволить себе не быть дисциплинарной. Но поскольку Чичерин и Соловьев — это практические и политические русские мыслители, они вовсе не ограничиваются дисциплинарной частью.

Вот этот клубок русской мысли мы имеем своим предметом. Из этого клубка вытекает первейшая и труднообозримая научная проблема. Поскольку я историк, то сразу скажу, что историческое исследование начинается с вопроса об источниках. Если философское систематическое исследование начинается с категорий, со сбалансированного целостного взгляда, то у историков — сначала источник. И второй главный вопрос у историка — когда? Помню, как молодым еще человеком работал в журнале «Вопросы философии», который меня научно вырастил в начале 1990-х параллельно с Государственным архивом Российской Федерации. Как редактор, я тогда озадачивал авторов, которые приходили и предлагали идеи. Лишь отчасти шутя, я говорил: да, хороша ваша тема «Лев Шестов о душе», но вы можете ли написать нам исследование «Лев Шестов в 1906 году»? И всё. Оказывалось, что человек, у которого в сознании лампочка в такой момент перегорает, не способен это написать. А если он не способен это написать, то веры в его систематические выводы уже радикально меньше. Я не могу сказать, что её нет, но меньше. Соединить шестовское исследование Брандеса 1890-х годов с его предсмертными интуициями — много ума не надо, я сам этим в молодости баловался. Но этим надо баловаться и сжигать, а не печатать в «Вопросах философии».

Итак, источники. Источники нашего предмета... Сообщу их, исходя из своего 30-летнего научно-издательского опыта и без какой бы то ни было претензии на классификацию. Я не сторонник самодостаточных классификаций, это не нужно. Вопрос об источниках русской мысли как предмете исследования требует от нас одновременно и различения дисциплинарного массива, вопросов о том, что есть философский труд, и практического применения. Я не устаю повторять, что мы — последнее поколение, которое физически видит полноту русской практической философии до 1917 года. Особенно газеты 1910-х годов, первых лет гражданской войны. Мы видим их последними — они физически рассыпятся, их уже завтра не будет, часть из них уже не выдается из хранения в библиотеках из-за ветхости. При этом, даже просто случайно, проходя мимо, мы посмотрим на профессорскую газету «Русские ведомости» и всегда там увидим тексты Вернадского, Лосского, Новгородцева, Франка, других великих. Этим хорошо занимался, все своё профильное вытащил из газеты и опубликовал Юрий Лисица — исследователь Ивана Ильина. Но полнота источников бесконечна. Я даже боюсь себе представить, какое количество текстов наших известных героев опубликовано только в одной этой газете. А ведь таких русских газет гораздо больше, чем одни только «Русские ведомости»; были многолетние, а были недолговечные газеты. Есть литературное приложение к «Биржевым ведомостям» середины 1910-х годов. Они должны быть тотально изучены, все публикации по нашей теме — переизданы. Эта работа не сделана. Я, к сожалению, не имею ни студентов, ни учеников. Но если бы я имел студентов и учеников, они бы все были в Отделе газет РНБ на Фонтанке. И спасли бы для науки и для нашей культуры всё, что ещё можно спасти. Сейчас Франку повезло — его полное

собрание сочинений готовят и издают отличные специалисты. Они тотально берут и газетные тексты. Но это только Франк.

Итак, источники, которые даже немного не охвачены нашей наукой, — это ежедневная и журнальная пресса. Не охвачены, не прочитаны, не учтены, не сведены в одно поле. Можно говорить скептически, что газета, выходящая тиражом несколько десятков тысяч экземпляров, крупнейшая газета «Новое время» не представляет полноту аудитории. Но надо хотя бы начать... Журнал «Русская мысль» начала XX века — хороший «толстый» журнал, но число его подписчиков 2000–2100 человек мизерно даже по русским меркам. Я случайно однажды наткнулся и, прошу прощения, украл, сохранил в своём собрании библиотечной листок из какого-то журнала, который дает некоторое, естественно, не полное, представление о его аудитории. Он был вложен в журнал, забыт библиотекарем. На нём написан список фамилий — очередность чтения этого журнала в публичной, какой-то общественной библиотеке. Их было 16 человек — на один экземпляр. Вот этот коэффициент мы должны применять к каждому тиражному изданию. Или, например, известные печатные списки о количестве подписчиков журнала «Вопросы философии и психологии». Их много в Херсонской губернии, потому что там Одесса, это третье место, по-моему, после Москвы и Петербурга. Рига тоже большой город, третий или четвертый по населению город империи, там тоже много подписчиков. Мы часто забываем, что те небольшие две или две с половиной тысячи подписчиков журнала «Вопросы философии и психологии» — это, как правило, юридические конторы или кафедры. И существует мультипликатор читателей, который надо применить к ним.

Так вот: этот журнально-газетный массив не исследован, задача такого исследования не поставлена. Не поставлена даже задача полного исследования недолговечных еженедельников и т. п.: «Товарищ», «Бодрое слово», «Без заглавия». Они, как правило, попадают в сферу исследования историков литературы и в литературную хронику. Но мы, имеющие своим предметом русскую мысль, обязаны сделать философскую хронику. Должны сделать, не можем не сделать, если хотим ее сохранить. И сама работа, даже детская, девичья, студенческая работа по описанию простых газет — неизбежно будет иметь революционный, феерический эффект. Это — та Атлантида, которой мы не знаем.

Дальше — диссертации. Я уже упомянул темы магистерских диссертаций из духовных академий — это очень по-взрослому, очень серьезно. Я, кстати, в 2021 году был в Казанской духовной семинарии, которая, благодаря гениальности семинарского начальства, установила особые отношения с местными властями и хорошо отстроилась, храм был построен. Такова наша церковь, она так должна действовать. И они получили церковную часть наследия библиотеки Казанской духовной академии, рассказанной в 1930-е годы. Более того, они свели всю свою дореволюционную периодику, церковную и религиозную, в отдельную комнату. В ней можно на неделю засесть, чтобы не тратить время на выявление, на заказ литературы, и тотально её изучить практически во всей полноте.

В первом же случайном номере тульских, моих родных, «Епархиальных ведомостей», которые я открыл за 1908 год, я наткнулся на статью протоиерея

Восторгова об Иване Аксакове. Представьте себе! После этого сразу дал себе слово, что специально приеду туда и по крайней мере библиографически опишу это. Вот — такова еженедельная и журнальная пресса, включая церковную, таковы диссертации.

Возьмем теперь обычные газеты, где никогда не ожидаешь найти что-то интеллектуальное. Крупнейшие газеты юга России в течение многих лет — «Одесские новости» и «Одесский листок». Петербургский критик Слонимский сотрудничал в этом «Листке» (в одном из ежегодников «Исследований по истории русской мысли» я опубликовал его неизвестный некролог Соловьеву из этой газеты). В таких крупных русских городах действовали литературно-художественные и философские кружки с публичными лекциями, которые каждый раз давали протокольные отчеты. Это вполне философский материал, вполне философские темы. Сейчас изданы обширные материалы по московскому (здесь пионером был покойный Альберт Соболев) и петербургскому религиозно-философским обществам. В конце 2021 года я издал монографию Наталии Филипченко по таким обществам начала XX века в Киеве. Однако массу откликов печати на их деятельность, этого океана мысли и рецепции, никто не искал, не находил, не описывал, сквозной библиографии нет. И это только верхняя часть айсберга большой группы источников.

Известен и целый континент источников — архивные фонды. В середине 1980-х, когда я был студентом и нам преподавали курс археографии, архивного дела, наш преподаватель говорил: «Самый главный принцип архива — это везде есть всё». Я как бывший архивный работник могу подтвердить, что на 75 процентов это правда. Самые любимые мной дела (единицы хранения), например, в РГАЛИ, ГАРФе, РГБ, РГАСПИ, РНБ, ИРЛИ — это те, которые даже в названиях описываются как «Письма разных лиц разным лицам». Честная тетенька-архивист из нашего вечного прошлого честно написала, что она не разобрала — где чей почерк, но — спасибо ей, она сохранила это, и мы с трепетом ищем в архивных листах знакомый почерк. Вот точно так в рассыпных делах, в сборных «солянках», я в 1994 году наткнулся на мемуары Зеньковского, чей почерк я уже знал... «Пять месяцев у власти»: они давно изданы, переизданы и известны. А если мы возьмем людей с гораздо более худшим почерком, как у Павла Ивановича Новгородцева (его почерк хуже, чем у Льва Шестова), то нас здесь ждут ещё, может быть, более яркие открытия. Именно в очередной россыпи я наткнулся на фрагменты переписки Новгородцева, которые пролили яркий, даже сенсационный свет на эмигрантскую судьбу сборника «Из глубины».

Итак — наш лозунг: тотальное исследование, сохранение, копирование печатных источников и тотальный архивный сыск. Но куда всё это, эти все знания, «куда умище-то девать»? Есть ответ: наилучший формат публикаций должен включать в себя принцип пылесоса. Да, он категорически отвергается наукометрией, к которой я лично отношусь категорически отрицательно. Я могу повторить то, что недавно говорил в одной аудитории в Москве*.

* На московской презентации нового журнала РХГА «Русская философия» 17 марта 2022 г. — Н. Р.

Составительница библиографии исследований Блока призналась недавно в фейсбуке, что впервые за 15 лет, в течение которых она её составляет, она ничего не может включить в очередной сборник, потому что наукометрические корректные тексты по своему содержанию стали бессмысленны. Они отвечают всем признакам формальной наукометрии и транслита, переведены все бессмыслицы на все бессмыслицы, но с научно-библиографической точки зрения это — пустота. Я категорический противник нынешней хулиганской наукометрии в применении к нашим гуманитарным наукам.

Что делать с огромным массивом газетной Атлантиды, который, повторю, гибнет на наших глазах — и мы последнее поколение, которое его видит? Надо немедленно идти в Отдел газет РНБ и спасти, максимально скопировать наши профильные газеты. Сделать так, как делали мои коллеги из ГАРФА. ГАРФ был еще молодой в октябре 1993 года, когда расстреливали Белый дом. И когда правительственные войска взяли штурмом Белый дом, стали гасить пожар, арестовывать и т. д., вместе с ними туда вошел с сотрудниками наш директор Сергей Владимирович Мироненко — для того, чтобы всё это, разбросанное на полу, спасти, собрать и забрать в архив. Это — научный подвиг и, может, даже гражданский подвиг. Я с большой долей скепсиса отношусь к качеству тех бумаг, что там в Белом доме насочиняли, но это неважно, это не наше собачье дело, пусть историки потом оценивают. Наша задача — это сохранить.

Так вот, научные сборники, научная периодика обладают мощнейшими преимуществами, потому что они имеют дело с самыми первичными научными фактами, которые могут потом никуда не вылиться. Но пусть это будет, не наше дело предрешать судьбу. Я до сих пор восхищен судьбой одного человека здесь, в Петербурге. Как мы помним, в конце 1980-х был пожар в библиотеке Академии наук (БАН). Потушили, что-то спасли, что-то не спасли. А за ряд лет до этого вышла в свет посмертная монография молодого человека, работника БАН, который прожил 42 года. Я впервые только из его книжки узнал, что ещё при Петре Великом в Петербурге возникла целая традиция прессы на немецком языке, которая описывала немецкую диаспоральную жизнь, важнейшую для этой части нашей истории. И вот человек перед смертью описал этот массив газет. Именно их коллекция сгорела в БАН. Если бы он этого не сделал, всё вообще прошло бы без следа. Он невольно совершил подвиг. Почему бы нам не сделать подобное? Мы должны это сделать. Надо спасти газетные источники по истории русской мысли.

Следующий важный момент. Все наши частные исследования «К вопросу о...» безусловно потеряются, если не будут сопровождаться профессиональной библиографией. Я помню, как в 1992 году, работая в недолговечном философском журнале «Путь», наверное, впервые дал библиографический список «Новые архивные публикации по истории русской философии». В нем было много страниц с перечислением публикаций, которые бог знает где и как, в россыпях появились с конца 1980-х. Это всё в абсолютном большинстве не переиздано. Я приведу пример: одна исследовательница 30 назад сделала публикацию. Она случайно нашла письмо-признание о том, что знаменитый лозунг «Пойдем на выучку к капитализму», оказывается, родился тогда-то и там-то. Это открытие не переиздано.

Итак: научная библиография должна быть тотальной, текущей, дисциплинарной, она должна быть теми скрижалями, где сохраняются и спасаются от забвения открытия — и поэтому сами жизни учёных, их смысл.

Следующий важный пункт: соотношение интернет-публикаций и бумажных публикаций, каково оно, каким оно должно быть? Я должен вам, товарищи и коллеги, доложить. В 2009 году я впервые поставил эксперимент. До этого я имел глупость не сохранять PDFы, электронные версии тех книг, которые издавал. Я виноват; к счастью, сейчас часть их скопирована благодаря подвижничеству уникальнейшего исследователя русско-литовской философии Владаса Повилайтиса. Итак, в 2009 году я поставил эксперимент на себе самом: я — конечно, бесплатно — выложил в интернете PDF свежеезданного сборника своих статей, немного порекламиравав его в сети. В книжные магазины я в первый день развез 50 бумажных экземпляров, а со всего мира PDF прочли 2500 человек, в том числе и из таких географических точек, куда бумага (как минимум, быстро) никаким поездом не доедет.

Я сделал важный вывод — сетевая и бумажная публикации находятся в неразрывном и неизбежном, непреходящем единстве. Они не конкурируют друг с другом. Если кто-то, мягко говоря, наивный или жадный считает, что не надо публиковать в интернете, чтобы больше продать в бумаге, то я должен сказать: на продажи в бумаге это не влияет. Более того — это влияет на твою всемирную славу, а она возвращает твоих поклонников в книжный магазин. Потому что на деле разные люди заходят в магазин и в интернет, пересекаются они в очень маленькой части. А самая главная причина того, что они не конкурируют, состоит в следующем — и здесь моя информационная специальность делает меня еще более подготовленным: поисковые машины в интернете давно уже перестали быть поисковыми. Они давно признались, что являются инструментами для рекламы, коммерции, политики и пропаганды. И чтобы получить искомый результат, ты должен заранее преодолеть многочисленные ловушки рекламы. Но это преодоление ловушек требует особых и специальных знаний об интернет-контенте, которых мы не можем требовать от читателя наших книг.

Не случайно еще недавно «Яндекс» проводил чемпионаты по поиску в интернете. Это значит, что полный поиск без чемпиона уже тогда не работал! Значит, ты в таком поиске должен быть особо продвинутым, умным чтобы найти в этой куче что-то нужное. Даже я, профессиональный потребитель и, главное, уже более двадцати лет — производитель интернет-информации (в информационном агентстве REGNUM), могу вам сказать, что ты сначала предполагаешь формулу знания, а потом уже его лексически формулируешь (как «вилку» интернет-поиска из трёх-четырёх слов в их уникальной констелляции), затем ищешь и получаешь. Без презумпции, без предположения — нет знания. Это всё очень нешуточные обстоятельства. Ты должен сначала очень хорошо знать контекст высказывания, чтобы найти адекватный ответ. Не зная этих связей, ничего не найдешь, кроме массива рекламы, случайностей и макулатуры.

Итак, отсутствие прямой связи между продажей бумажных изданий и чтением их электронных версий в сети — это огромный шанс для бумажной книги. Она будет всегда. С одной стороны, она никогда не дойдет до Америки, кроме как малым числом, с другой стороны, людей, которые не умеют пользо-

ваться всё более сложным поиском в поисковых машинах — абсолютное большинство. До тех пор, пока не наступило время формальной, поверхностной, миметической, безумной, бессмысленной, бесплодной, монополистической, бюрократической, позорной наукометрии, человек еще имел надежду что-то искать и найти по ключевым словам, но сейчас уже правит бал воспроизводящая сама себя нормативная бессмыслица.

Итак, нет прямой связи между реализацией бумаги и сетевых изданий. Интернет-поиск не помощник. Наукометрия — паразит на классификации научных сведений, жестокий и бесплодный. Я надеюсь, что сейчас, после того, как Запад начал нас изолировать, наши провинциальные, колониальные, компрадорские поклонники Запада со своей наукометрией от нас постепенно отстанут.

Что важно — тираж бумажного издания. 500 экземпляров — это дорого. Хорошо, когда они расходятся. По нашим правилам они должны в бумаге расходиться год, это считается нормальным. Но централизованная система распространения книг в России уничтожена нашими реформами. Однако не фатально. Я недавно отправил 250 кг своих изданий во Владивосток, в Дальневосточный федеральный университет. Доставка 250 кг книг стоила всего 12,5 тысяч рублей. Отправил в Братск (возле Иркутска) коробку книг весом около 20 кг, она стоила 700 рублей. Понятно, что я всё это отправляю не для продажи, но даже если бы продавал, то получилась бы ничтожная доля цены транспортировки в финальной цене одной книги.

Так вот, когда ты бесплатно публикуешь в интернете PDF своего журнала, книги и так далее, это дает тебе доминирующее преимущество: тебя знают все интересующиеся, читают все, кроме самых ленивых. А в «умственные» книжные магазины и в библиотеку — напечатай 50, 100. Надо будет — допечатаешь столько же.

Это всё как бы подшерсток, гумус, планктон научной работы. А что же, по моему мнению, можно считать наилучшим жанром научного книгоиздания? Монографии, несомненно. Не случайно варварская наукометрия не очень приветствует монографии. Если уж поставлена задача уничтожить, так дьявол будет преследовать самое главное — монографии. И высшая степень научной работы — это полное собрание сочинений героя с тотальным научным, текстологическим и реальным комментарием. Я мальчиком, отроком еще, в середине 1970-х годов наткнулся на коричнево-бордовое издание «Достоевский. Материалы и исследования», которое выходило в приложении к защитного цвета ПСС Достоевского с 1970–1980-х годов. Поскольку отец мой подписался на ПСС, бывая в Москве, я по магазинам собирал и собрал полный состав этих материалов и исследований. Это идеальная схема, не случайно она придумана в Пушкинском Доме — ПСС и сопутствующие материалы и исследования, которые к нему прямо привязаны. Я не смог уговорить моих дорогих товарищей, которые издают ПСС Франка, делать «Франк. Материалы и исследования». Увы, наверное, потому, что они требуют невероятного коллективного труда.

Я всегда в этом контексте привожу отрицательный пример — судьбу ПСС Владимира Сергеевича Соловьева в ИФАНе, который при сотнях своих тружеников позорно смог выделить на создание этого собрания (по плану —

в двадцати томах) буквально несколько человек. Первый том вышел в 2000-м году, второй — в 2000-м, третий — в 2000-м, четвёртый — в 2011-м. Такой темп — хулиганство. Я знаю, как это устроено. Двадцать два года назад этим руководил Александр Носов, который умер молодым в 2002 году, и поэтому дело остановилось.

Что же может сделать малый коллектив? РХГА — это малый коллектив. У него есть огромное преимущество — студенты. Фаланга, штурмующая Отдел газет РНБ, с мощным результатом, выпускающая росписи и републикации в своих изданиях под надзором Александра Ермичёва. Это прекрасно, это замкнутый цикл, это автаркия, это протекционистское фихтеанское государство.

Я вспоминаю, как захлебнулось переиздание эмигрантских «Современных записок», репринт. Я помню, как хорошо переиздал «Логос» Валерий Анашвили. Я хорошо переиздал в 2021 году эмигрантское «Освобождение», хотя это разорило мою книжную программу. Скажу честно: я колебался. Но обнаружилось, что в Москве всего два полных комплекта. При этом никто на деле не проверил эту полноту — с приложенными к журналу «Листками Освобождения» и «Книжками Освобождения» (надеюсь, эти последние выйдут сейчас из печати). Может, в Питере еще два полных комплекта. Что сказать: я сознательно резко, почти вдвое снизил отпускную цену на «Освобождение», чтобы в продаже каждый его тяжеленный том не стоил больше 1000 рублей. И всё равно — плохо расходуется. Этот фундаментальный источник для истории политики и политической мысли России начала XX века изучается в России уже около 50 лет (в трудах Корнелия Шацилло), имеет полдесятка защищенных про него кандидатских диссертаций. Но в исследовательский, историографический мозг не вошёл. Только великий, покойный ныне Николай Константинович Гаврюшин уверенно, наизусть знал, как листовка «Христианского братства борьбы» Эрна, Свенцицкого, Флоренского 1905 года проникла в «Освобождение». Я даже понимаю, что именно Булгаков послал редактору-издателю журнала Струве эту листовку для публикации. Но это не стало фактом нашего широкого научного знания. Теперь этот источник есть везде, слава Богу. Он абсолютно бесплатно общедоступен в интернете. И территориально — во всех главных местах развития нашей науки. И количество диссертаций о нём может вырасти многократно. Самое главное — он, наконец, может быть и будет прочитан, как азбука. Та самая азбука, которая в десятках тысяч экземпляров нелегально проникала в Россию в 1902–1905 годах и буквально составила новый политический язык целого поколения русской мысли. Кстати, именно здесь ещё летом 1902 года Струве, мгновенно реагируя на новацию, начал пропагандировать концепт «нового религиозного сознания» Мережковского.

В 1998 году две дамы сделали для моего Ежегодника полную пономерную роспись «Вопросов философии и психологии». Думаете это вызвало взрыв интереса? Нет. Хорошо, что это издано, но это не дает импульса. Надо репринтно переиздать весь комплект «Вопросов философии и психологии» для библиотек, во-первых. Во-вторых, чтобы этот репринт был в проверенном качественном обороте в интернете. Только тогда, когда это будет общедоступно, как ПСС Ленина в 55-ти томах, тогда это будет впитано всеми порами

научного знания. Может быть, вы считаете, что знание должно быть более индивидуальным, не спорю. Но я стихийный демократ в душе, я за всеобщее знание. Буду жив-здоров, проживу еще 30 лет — видит Бог, я издам. Потому что получается, что никто эти журналы не читал до конца, не видел — пока ты не издашь и не сунешь в нос товарищу. А есть ведь такие еще невидимые обычному глазу зависимости, как рекламные листки, которые идут в конце старых журналов, видели их? Они ведь вовсе не случайно там появляются — это тоже высказывание. Я еще с юности помню, как специально выписывал объявленный состав авторов любого, даже недолговечного издания. Кого позвали в список — это всегда манифест. И я по переписке помню: ещё марксист Струве просит Гершензона, ученого секретаря Павла Виноградова, медиевиста, чтобы тот дал — даже формально — своё имя для объявленного списка авторов. Это очень тонкий танец. Для будущего, когда нас не станет, для будущих исследователей, эти все списки авторов должны быть сохранены. Далеко не каждый знаток и специалист готов такие внешне бессмысленные листочки переиздать репринтом, а их надо переиздать!

Я увлеклся этим, лично составил и издал порядка полутора десятков сводных пономерных росписей журналов, еженедельников. Почему пономерных, а не сводных, не алфавитных? Сводные не отражают композицию номера, во-первых. Во-вторых, такие указатели — братская могила, а не пономерная история эволюции издания. А теперь вижу, что даже этого недостаточно.

Газеты гибнут, журналы гибнут, нужны ПСС и сопутствующие им материалы и исследования. Нужны переиздания, нужны интернет-публикации, опережающие бумажные, и обязательное сохранение бумажных изданий. Это нерешаемая, нереальная идеальная конструкция, и я даже понимаю — почему она нерешаемая. Я даже понимаю природу сомнения: нужно ли переиздавать? Это всё довоенные сомнения. Война теперь учит нас, что весь мифический глобализм легко и одновременно выдергивается из розетки. Я со дня на день опасаюсь, как моя — человека, попавшего под персональные санкции в Великобритании и ЕС, многодесятилетняя по числу подписчиков страница с сотней PDF моих изданий — будет уничтожена в академической сети. И никому ничего не докажешь и не будешь говорить, что наука свободна. Это выдергивание из розетки, по моему глубокому убеждению, неизбежно.

Но нет ничего более надежного, чем такой ненадежный материал, как бумага. Ее, по крайней мере, перефотографировать можно, сделать репринт. Особенно это важно теперь, пока еще вражеская позорная колониальная наукометрия не побеждена.

И, наконец, самая главная беда, с которой я столкнулся как издатель. Подлинная кровь и душа коллективной, по сути, многопоколенческой науки — рецензионный труд — не ценится, рецензия вообще не считается трудом. Библиографическое рецензирование — это кровь науки. Что тут скрывать, не каждый человек может написать хорошую исследовательскую статью. Но я видел и публиковал ряд молодых авторов, которые творили рецензии как отдельную, бронепробивную, фундаментальную мощь науки. На книгу объемом 200 тысяч знаков они писали рецензию в 150 тысяч знаков, разрывали критикуемую книгу на куски, давали в приложении новые архивные доку-

менты. Почти таким журналом был в начале XX века рецензионный журнал Гершензона, Кистяковского и их коллег — «Критическое обозрение». Но таким рецензиям-трудам нужно сейчас надёжное пристанище. Его нет. Такой рецензионный журнал, если он будет, скажу радикально, будет гораздо революционней, гораздо важнее заурядного журнала.

Мы — накануне новой отечественной гуманитарной революции. У нас есть силы её начать.